

От «Ведомости читателю» к «Предисловию переводчика»: ретроспективно-контрастивный взгляд

К. И. Таунзенд¹, М. В. Полубоярова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

¹townsendX@yandex.ru

²mvp1410@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается потенциал диахронического подхода в изучении переводческих метатекстов. На материале предисловий переводчиков XVIII и XXI веков показана общность содержательно-композиционных, концептуальных, дискурсивных и функциональных параметров. При этом отмечены диаметрально противоположные различия культурных и психологических детерминантов метапереводческого дискурса, что позволяет установить ценностную ориентацию переводчика на каждом историческом отрезке.

Ключевые слова: предисловие переводчика, история перевода, метапереводческий дискурс, языковой портрет переводчика

Для цитирования: Таунзенд К. И., Полубоярова М. В. От «Ведомости читателю» к «Предисловию переводчика»: ретроспективно-контрастивный взгляд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 116–123.

Original article

Translators' Prefaces in Contrast through History

Ksenia I. Taunzend¹, Marina V. Poluboyarova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

¹townsendX@yandex.ru

²mvp1410@gmail.com

Abstract. The paper reveals the potential of the diachronic approach to paratext in translation. Both translators' prefaces, one dating back to the 18th century and the other of the 21st century, demonstrate similarity in structure, concepts, functions and discourse parameters. At the same time, they differ significantly in their cultural and psychological characteristics, which show the values and the linguistic portrait of the translator at each particular stage in history.

Keywords: translator's preface, translation history, para-translational discourse, linguistic portrait of the translator

For citation: Taunzend, K. I., Poluboyarova, M. V. (2024). Translators' prefaces in contrast through history. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 116–123. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

При всей явно выраженной лингвистической направленности отечественного переводоведения в нем всегда отчетливо проступал антропоцентрический подход, проявляющийся в постоянном учете фактора личности – получателя перевода и самого переводчика. Один из основоположников лингвистической теории перевода в нашей стране В. Н. Комиссаров подчеркивал необходимость самостоятельного развития двух ракурсов изучения переводческой деятельности: ориентированного на переводчика и ориентированного на межкультурную коммуникацию, где «переводчески-ориентированные исследования имеют значительную теоретическую и прикладную ценность» [Комиссаров, 2020, с. 36]. Рассматривая предмет теории перевода, А. Д. Швейцер говорит о ключевой роли социальных, культурных и психологических детерминантов, поскольку перевод «осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате» [Швейцер, 1988, с. 8]. Цельность лингвистической концепции достигается тем, что эти ценностные и психологические установки человека рассматриваются не сами по себе, а в их языковом проявлении, ибо такова природа слова – не только мы выражаем его, но и оно выражает нас.

Здесь можно сказать, что в задачи науки о переводе должно входить составление лингвистического портрета переводчика в разные эпохи, в разных ракурсах и в разных интерьерах, под которыми мы понимаем виды, формы и контексты перевода. Материалом для исследования должна выступать вся палитра переводных текстов в истории и современности во всем текстовом ансамбле: с примечаниями, комментариями, сносками, предисловиями и послесловиями – теми фрагментами, где голос переводчика звучит наиболее отчетливо.

Остановимся на предисловии переводчика как наиболее полном, законченном и самостоятельном выражении им самого себя. Предисловие переводчика – это метатекст, или текст о тексте, т. е. это его заявление о том, что собой представляет оригинал, почему и как переводчик взялся его переводить. Оно всегда предшествует переводу и обращено к его читателям, как бы подготавливая их к желаемому восприятию. Такие тексты известны с давних времен и берут свое начало от предисловий к древнерусским рукописям и старопечатным книгам, где еще не было четкого отделения ролей сочинителя, переводчика, переписчика, редактора. И если те предисловия были пусть не началом, но одним из истоков национальной литературы, то логично было

бы поставить вопрос, насколько предисловия переводчиков Нового времени стали истоком научной мысли о переводе. «Переводческий дискурс предисловия, отражающий концепцию того или иного переводчика, представляет собой эмпирический материал для сравнительного анализа постановки и решения релевантных для языкового посредничества проблем философской герменевтики» [Писанова, 2011, с. 162], что одинаково верно как для синхронного, так и для диахронического изучения.

Однако при всей значимости этих метатекстов для развития антропоцентрической парадигмы переводоведения их развернутое научное описание представлено всего в нескольких трудах. Диссертация Д. И. Остапенко рассматривает структурные и функциональные особенности метатекстовых жанров предисловий и примечаний переводчиков и устанавливает их универсальные характеристики в русской и английской лингвокультурах [Остапенко, 2014]. В диссертации Н. А. Пластининой предметом исследования выступает лингвокогнитивный механизм порождения метатекстов на примере предисловий / послесловий к художественным переводам конца XX – начала XXI века [Пластинина, 2017]. Из этого обзора работ следует, что изучение метапереводческого дискурса находится в начальной стадии, а рассмотрение его в диахронии или сквозь призму лингвокультурных различий составляет перспективу дальнейших исследований.

Будучи ограничены рамками статьи, мы поставили себе целью раскрыть потенциал диахронического подхода в изучении переводческих предисловий и путем контрастивного анализа показать характерные черты языковой личности переводчика прошлых веков и нашего времени.

РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ ВЫБОРА ОБЪЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ

Одно предисловие возвращает нас в Петровскую эпоху, когда в 1719 году Андрей Федорович Хрущов, на тот момент переводчик Адмиралтейства, взялся за перевод с французского перевода-посредника латинского оригинала «De imitatio Christi», приписываемого канонику-августинцу Фоме Кемпийскому. Этот текст под названием «Утешение духовное или книга следование Иисуса Христа» сохранился в рукописи в собрании Румянцевского музея¹. Предисловие к нему было выбрано, потому что оно отличается от большинства современных ему, во-первых, объемом, занимая почти четыре рукописных листа в четверть с обеих сторон, и, во-вторых, полнотой содержания, где переводчик

¹РГБ. Ф. 178. № 2996.

подробно рассказывает, почему он выбрал этот текст и как он над ним работал.

Другое предисловие принадлежит современному переводчику и публицисту Валерию Яковлевичу Чеховскому, который опубликовал его перед собственным переводом с немецкого языка первого тома «Капитала» Карла Маркса, а также отдельно в виде статьи под названием «Предисловие ответственного редактора и переводчика» в журнале «Альтернативы» за 2015 год. Основными причинами нашего выбора и в этом случае послужили солидный объем (18 страниц) и развернутое содержание. Но поскольку для современности это обыденные явления, дополнительным фактором стала полемика В. Я. Чеховского с Е. Е. и С. Н. Мареевыми, развернувшаяся на страницах журнала «Вестник МИРБИС» в 2016–2017 годах, по поводу переводческого соответствия для одного из ключевых понятий немецкого оригинала [Мареев, Мареева, 2016; Мареев, Мареева, 2017; Чеховский, 2017]. Аргументы сторон из сугубо лингвистической, экономической и переводческой плоскостей мгновенно перешли в идеологическую, чем и привлекли внимание к фигуре и предисловию современного переводчика.

Что касается самих текстов (оригиналов и их русских переводов), то при внешней несопоставимости, если не сказать противоположности их тематики и стилистики, за ними скрывается глубинная философская общность на идейном уровне культуры. Как

духовные сочинения христианских писателей были властителями дум в Средние века и в религиозном сознании русского человека Нового времени, так «Капитал» Маркса был официально объявлен мировоззренческим мейнстримом в советской стране. Да и человек XXI века, если быть до конца честным, в своем мировоззрении больше полагается на экономические рычаги и рыночные механизмы, чем уповает на Бога, в отличие от своих предков в XVIII веке. Поэтому извечная истина «по вере вашей да будет вам» и создает всю глубину общности между такими разными на первый взгляд текстами.

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРЕДИСЛОВИЙ XVIII И XXI ВЕКОВ

Перейдем непосредственно к сравнению предисловий двух профессиональных по меркам своего времени переводчиков, отстоящих друг от друга почти на 300 лет.

Во-первых, оба переводчика начинают с объяснения причин, по которым каждый из них стал переводить именно этот текст. И если для А. Ф. Хрущева в основу мотивации легли долг служения Отечеству своими знаниями, умениями и отсутствие русских переводов известного сочинения, то для В. Я. Чеховского побуждающим мотивом стала неудовлетворенность качеством многочисленных предшествующих переводов за последние 150 лет.

А. Ф. Хрущев. Ведомость читателю (1719) ¹	В. Я. Чеховский. Предисловие ответственного редактора и переводчика (2015) ²
Три причины принудили меня преводить сию книгу следования Иисуса Христа на наш язык, которым я не мог противиться. Первая причина – должность моя служить Отечеству, потому что всяк человек родится не ради самого себя, но в пользу и на службу всем. Другая причина – что сия книга не только переведена на все языки европейския, но и варварские на своем языке имеют и почитают лучше всех своих книг. <...> Барбары оную книгу читают, хранят и почитают, мы христиане ее мало знаем или подлинно не знаем и на нашем языке не имеем [хотя может быть и есть, только я воистину никогда не видал ни письменно, ни печатно]. Третья причина следует из первых двух, что, видя оную книгу, всякому христианину полезную, на всех языках и во всех верах, не хотел быть рабом непотребным и скрыть в землю данный мне талант от Бога, но похотел употребить его в пользу всем людям и видеть сию книгу на нашем языке. Ради оных причин по совету и научению единого моего друга, человека разумного, которого я очень почитаю, осмелился я перевести на наш язык сию божественную книгу, которая учит иметь страх Божий.	Растаял призрак – призрак коммунизма. Но мечта о справедливом устройстве мира и сегодня потребительная ценность. Не в последнюю очередь на родине когда-то «реального социализма». Оттуда, из России, теперь страны эпохи первоначального накопления, приходят сообщения о переизданиях главной книги всех коммунистов... В Советском Союзе очень гордились тем, что русский – первый иностранный язык, на который был переведен «Капитал» Карла Маркса. Том I вышел в 1872 году в издательстве Н. Полякова в Санкт-Петербурге. Переводчики Г. Лопатин и Н. Даниельсон. Четверть века спустя альтернативную версию перевода интересующейся публике предложили У. Гурвич и Л. Зак. Первый том, изданный под редакцией П. Струве, поступил в продажу в 1899 году. Альтернатива заключалась в первую очередь в выборе русского <i>ценность</i> вместо <i>стоимость</i> для передачи немецкого <i>Wert</i>.

¹Зд. и далее по тексту примеры приводятся по: [Утешение духовное ... Л. 7–10 об.].

²Зд. и далее по тексту примеры приводятся по: [Чеховский, 2015].

А. Ф. Хрущов. Ведомость читателю (1719) ¹	В. Я. Чеховский. Предисловие ответственного редактора и переводчика (2015) ²
<...> Вси христиане сию книгу приняли и почитают: не только римляне, но и лютеры, и кальвини, и на все языки переведена, но ни на котором языке так много переводов нет, как на французском. Сдесять разных переводов я сам видал, что ж еще других переводов, о которых я не знаю, и еще больше, что на всякой год перепечатают и все раскупают. Но ревность и вера к Богу нашего российского народа не меньше французского. Ради того надеюсь, что мой перевод может быть первой, но не может быть последний.	Однако основой всех последующих изданий «Капитала» в СССР и в сегодняшней России стало издание, вышедшее в 1907–1909 годах под редакцией А. Богданова. Перевод выполнил И. Скворцов-Степанов совместно с В. Базаровым. В 1937 году, когда И. Скворцова-Степанова уже не было в живых, В. Базаров после пяти лет тюрьмы находился в ссылке, а А. Богданов, поступив дальновидно, бросил занятия общественными науками, «Капитал» был переиздан вновь. С тех пор перевод немецкого Wert русским стоимость – обязательный стандарт советской (русской) экономической литературы. <...> В результате русскоязычные читатели «Капитала» не по своей воле вынуждены размышлять над искаженными мыслями Маркса. Они до сих пор ищут в темной комнате черную кошку. <...> Но самый убедительный способ доказать ошибочность «официального» перевода, конечно же, предложить новый.

С одной стороны, за этими причинами стоит объективная реальность – отсутствие русских переводов многих европейских сочинений в начале XVIII века и разнообразие переводных текстов, выполненных в разных традициях, в начале XXI. С другой стороны, невольно возникает вопрос: а не является ли дух недовольства характерной приметой нашего времени? Мы постоянно кем-то или чем-то не удовлетворены, и это становится мотивом даже для творчества.

Во-вторых, оба переводчика говорят об источниках, которыми они пользовались в процессе работы. А. Ф. Хрущов признается, что опирался сразу на три французских перевода латинского оригинала, по-видимому, за неимением словарей и аналогичных русских текстов. В. Я. Чеховский, конечно, не описывает сам процесс, считая его понятным и естественным, но щедро приводит толкования значений, словарные соответствия, примеры сочетаемости и словоупотребления, что явно свидетельствует о том, что два века бурного развития языкознания и гуманитарного образования не прошли бесследно.

В-третьих, оба переводчика опираются на предметную ситуацию, которая составила основание смыслового содержания оригинала. Так, В. Я. Чеховский, словно профессиональный экономист, со знанием дела разбирает взаимосвязь понятий «ценность», «полезность» и «стоимость» в теории К. Маркса, проводит параллели с трудами Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» и Давида Рикардо «Начала

политической экономии и налогового обложения». Переводчик XVIII века А. Ф. Хрущов учитывает догматические различия между восточной и западной ветвями христианства в совершении таинства Евхаристии, преломляя переводимый текст согласно вероучению своей Церкви. При этом он действует как переводчик весьма профессионально в современном смысле, цитируя вслед за оригиналом Священное Писание по каноническому русскому переводу своего времени. Здесь мы видим обоих переводчиков на высоте их профессионального мастерства.

В-четвертых, оба переводчика адресуют предисловия своим читателям и обращаются к ним от первого лица. Тексты петровского времени говорили об этом даже своим названием – «Ведомость читателю», сразу ставя последнего в центр внимания.

В заключительных словах А. Ф. Хрущов обращается ко «всем, кто будет читать сей мой перевод», воспринимая их при этом как более высоких по знанию и разумению, поэтому и просит читателя простить ему ошибки, «не гневаться, но исправить» перевод «не умом злобы, но духом кротости». Помимо этикетных форм умаления себя за этим прослеживается определенная ценностная позиция: русский переводчик XVIII века искренне полагал, что соборный разум читателя превосходит его личный, индивидуальный, поэтому и не был до конца уверен в том, что писал, рассуждая в себе, что всегда может найтись человек, «кто честнее тебе будет... и тогда начнешь со студом последнее место держати» (Лк. 14: 9, 11).

А. Ф. Хрущов. Ведомость читателю (1719)	В. Я. Чеховского. Предисловие ответственного редактора и переводчика (2015)
Только прошу низайше и покорно всех, кто будет читать сей мой перевод, мне отпустить, ежели найдется какое погрешение против грамматических правил и против орфографии, и на мене не гневаться, но исправить не умом злобы, но духом кротости. Ради того, что не только я своей грамматики не знаю, но и ничему не учен и ничем похвалить себе не могу, разве скажу о себе истинную правду с единым философом, что я одно на свете знаю, что я ничего не знаю.	Дорогой читатель, мы только что сделали то, что не смогла сделать российская наука в течение почти 150 лет, а именно: мы перевели немецкое <i>Gebrauchswert</i> на русский язык. Но почему в России до сих пор не могли решить такой простой вопрос? Издали «Капитал» быстрее всех, а прочесть и полтора века спустя не умеем... Неважно, что Ленин, всегда отдавая предпочтение слову стоимости, не придавал этому вопросу «особенно существенного значения». Сегодня мы говорим: Ленин не придавал этому вопросу значения, а мы придаём. Здесь точка зрения человека с весьма поверхностным взглядом на проблему. Неважно, что нет свидетельств о глубине знаний Маркса русского языка. Известно только, что он приступил к изучению русского языка в 1870 году. Сегодня мы, зная факты, относимся к его более чем щедрой оценке качества русского перевода «Капитала» Н. Даниельсоном с большой долей скептицизма

В современном же сознании понятия смирения и кротости стерлись настолько, что их можно, наверное, признать концептуальными архаизмами. Переводы у нас предваряются предисловием переводчика, сразу ставя последнего в центр внимания. И современный переводчик – определенно профессионал в своем деле настолько, что для него почти нет авторитетов. Он свободно рецензирует переводимого автора, подчеркивая его сильные и слабые стороны. Читатель здесь, безусловно, присутствует, к нему даже могут обратиться напрямую – «дорогой читатель» – но это уже чисто этикетная форма. А его положение вторично по отношению к переводчику (ведь он «до сих пор ищет в темной комнате черную кошку»), и в итоге читатель – всего лишь зритель на бенефисе переводчика. Характерна в этом отношении заключительная фраза В. Я. Чеховского: «Я сказал всё, что хотел сказать. Об остальном пусть судит читатель» [Чеховский, 2015, с. 121]. К мнению переводимого им Маркса про другие переводы В. Я. Чеховский относится «с большой долей скептицизма», а позицию В. И. Ленина по вопросу ключевых понятий «стоимость vs ценность» рассматривает как «точку зрения человека с весьма поверхностным взглядом на проблему». Может быть, всё действительно так, но в общей композиции картины получается, что и ни церковь, и ни кабак, и ничего не свято...

Такое наблюдение коррелирует с выводом исследователей, изучавших параметры языковой личности современных переводчиков художественной литературы на русский язык: «Содержание квантов смысла переводческого метатекста раскрывает особенности элитарной языковой личности переводчика через самопрезентацию себя как профессионала, своей профессиональной деятельности, себя

как посла культур, знатока переводимого текста, который имеет право указывать читателю, как воспринимать текст» [Пластинына, Безбородова, 2022]. Как мы видим, сознание собственной элитарности и превосходства своей интерпретации над знанием и пониманием читателя отличает не только художественных переводчиков в России XXI века.

ПРАГМАТИКА МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Изучение содержательно-композиционной структуры обоих предисловий подводит нас к выводу о значительном сходстве текстов, отстоящих друг от друга на три столетия, на уровне дискурсообразующих концептов «мотивация к переводу», «поиск соответствий», «предметная ситуация в оригинале и в переводе», «апелляция к читателю», что, в свою очередь, позволяет говорить о них, как об универсальных параметрах метапереводческого дискурса. К неизменным составляющим следует также отнести как аргументативную природу переводческих предисловий, «где протагонистом выступает переводчик, а антагонистом – читатель», так и цель аргументирования, которая «заключается в том, чтобы, используя рациональные средства и приемы, убедить антагониста в приемлемости своего перевода» [Писанова, 2011, с. 161].

При этом важно подчеркнуть лингвистическую опору выбранной обоими переводчиками стратегии аргументации. То, что современный переводчик апеллирует к разнице между понятием и значением слова, аргументирует свои решения дефинициями и сочетаемостью, не вызывает удивления и представляется вполне рациональным решением. Но

вот и русский переводчик XVIII века робко оговаривает, что в большинстве контекстов слова «монах» и «христианин» взаимозаменяемы и что он старался не употреблять никаких иностранных слов, чтобы не получилась «на русском языке французская книга», т. е., выражаясь современным языком, избегал заимствования и калькирования. Это ясно показывает, что во все времена переводчик видел свою основную задачу в перевыражении смысла путем правильного выбора языковых средств. А правильность выбора, как и уровень аргументации, определяются не в последнюю очередь восприятием читателя, и об адекватности этого восприятия заботятся Чеховский и Хрущов.

Однако читатель был, естественно, разным тогда и сейчас, отсюда и мастерство переводчика, и виртуозность его владения словом отличаются. Если сегодня Чеховский должен разбираться в вопросах экономики и владеть языком политэкономики Маркса, то в 1725 году, например, неизвестный переводчик, работая над русским переводом политического завещания кардинала Ришелье, был вынужден преодолевать закоренелую отрицательную коннотацию слов «политика» и «политик» в сознании читателя. Вот как он это делает:

И в разговорах всякие люди оные слова «политика» и «политик» много употребляют, но употребляют их не в прямом их натуральном разуме. Политикою называют злодейство и бездельничество, а политиком называют злых людей и бездельников противно натуре и резону неведением. Понеже многие не знают, в чем состоит истинная политика и что есть двоякая политика: одна – министерская, а другая – всяких людей.¹

Он старательно убеждает русского человека восемнадцатого столетия, что

политика есть истинное художество управлять государством, новое уставлять, уставленное содержать в благополучии и не дать ему разориться, и разоренное восставить. Которой министр оное художество знает, той политик. Еще всякий человек есть политик, который со всеми людьми обходится

¹Тестамент политической или духовная светская кардинала дюка де Ришелье, первого министра французского при короле Люи Тринадцатом... Переведена с французского языка 1725 году. [рукопись]. [Б.м.] Список 1750-х гг. Л. 70б–8.

разумно, честно и правдиво. Себя от всякого зла охраняет, а другим никакого зла не делает.²

Трудно сказать, удалось ли переводчику тогда убедить своих сограждан или нет, но современный читатель, узнав о бытовавшем в Петровской России значении этих слов, посмеется, наверное, и подумает, что его предки были отнюдь не глупы и в простоте сердца видели многое насквозь. А мы вместе с тем пришли к выводу, что различия в языковых портретах переводчиков двух эпох отражают различия в портрете их читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хронологический разрыв в несколько столетий между изучаемыми объектами не дает возможности для выявления общности языковых параметров переводческих предисловий, что, с одной стороны, ограничивает потенциал диахронического подхода. С другой – большая историческая дистанция открывает горизонты для установления культурных и психологических различий и служит подтверждением неизменности ряда прагматических особенностей метапереводческого дискурса.

При значительном сходстве содержательно-композиционной структуры, концептуальной, дискурсивной и функциональной характеристик метатексты переводчиков XVIII и XXI веков существенно отличаются заложенными в них психологическими и ценностными установками. Переводчик Петровской России рассматривал себя и свой труд в контексте служения Отечеству, относился с почтением к автору оригинала и ставил мнение читателя выше собственного знания и опыта. Современный переводчик, напротив, полагает критическое отношение ко всем и ко всему в основание своей деятельности, а себя рассматривает как элитарную языковую личность, которой принадлежит право окончательного суждения.

Представленный на данном этапе исследования материал и выводы по нему позволяют говорить об этом только на уровне гипотезы. Однако возможность ее выдвижения свидетельствует о том, что диахронический подход к изучению метапереводческого дискурса разных эпох обладает большим потенциалом для верификации научного описания культурных и психологических детерминантов перевода.

²Там же, Л. 70б.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссаров В. Н. Переводческие исследования. Избранные статьи 1968–2005. М.: Р. Валент, 2020.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
3. Писанова Т. В. Художественный переводческий дискурс в свете идей философской герменевтики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 11 (617). С. 155–171.

4. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014.
5. Пластинина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на материале переводческих предисловий / послесловий к художественному тексту): дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2017.
6. Мареев С. Н., Мареева Е. Е. О переводах «wert» в «Капитале» К. Маркса (реплика в споре) // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 4 (8). С. 43–45.
7. Мареев С. Н., Мареева Е. Е. «Стоимость» или «ценность»: ответ В. Я. Чеховскому // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2017. № 2 (10). С. 17–19.
8. Чеховский В. Я. Сколько стоит «Докторская»? // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2017. № 3 (11). С. 91–93. URL: <http://cs.journal-mirbis.ru/-/NUXZvpRGFrMXNAop2i-IOZQ/sv/document/e0/0a/4f/521295/186/91-93.pdf?1508940113>
9. Утешение духовное или книга следование Иисуса Христа. Переведен с французского на наш язык 1719 года [рукопись]. [Б.м.], втор. четв. XVIII в.
10. Чеховский В. Я. Предисловие ответственного редактора и переводчика // Альтернативы. 2015. № 2. С. 104–121.
11. Пластинина Н. А., Безбородова Ю. В. Самопрезентация языковой личности переводчика в метатексте // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK122.pdf>

REFERENCES

1. Komissarov, V. N. (2020). Perevodcheskie issledovaniya. Izbrannye stat'i 1968–2005 = Translation studies. Selected works 1968–2005. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
2. Shvejcer, A. D. (1988). Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty = Translation theory: status, problems, aspects. Moscow: Nauka (In Russ.)
3. Pisanova, T. V. (2011). Artistic interpretative discourse in the light of philosophical hermeneutics ideas. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(617), 155–171. (In Russ.)
4. Ostapenko, D. I. (2014). Funkcional'naya i strukturnaya harakteristika metateksta (na materiale perevodcheskih predislavij i primechanij) = Functional and structural characteristics of paratext (based on translators' preface and commentaries): PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)
5. Plastinina, N. A. (2017). Lingvokognitivnye mekhanizmy porozhdeniya metateksta (na materiale perevodcheskih predislavij / posleslovij k hudozhestvennomu tekstu) = Linguocognitive mechanisms of paratext creation (based on translators' preface / afterword to literary texts): PhD in Philology. Nizhnevartovsk. (In Russ.)
6. Mareev, S. N., Mareeva, E. E. (2016). How to translate "wert" in «Kapital» by K. Marx (an argument in discussion). Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa MIRBIS, 4(8), 43–45. (In Russ.)
7. Mareev, S. N., Mareeva, E. E. (2017). "Cost" or "Value": an answer to V. Ya. Chekhovskij. Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa MIRBIS, 2(10), 17–19. (In Russ.)
8. Chekhovskij, V. Ya. (2017). What is the cost of "Doctorskaya"? Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa MIRBIS, 3(11), 91–93. (In Russ.)
9. Uteshenie duhovnoe ili kniga sledovanie Iisusa Hrista = Spiritual consolation or the guide to following Jesus Christ. 1719. [Manuscript]. (In Russ.)
10. Chekhovskij, V. Ya. (2015). The editor's and translator's preface. Al'ternativy, 2, 104–121.
11. Plastinina, N. A., Bezborodova, Yu. V. (2022). Self-presentation of the translator's language personality in the paratext. Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya, 1(13): 40FLSK122. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Таунсенд Ксения Игоревна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка

Московского государственного лингвистического университета

Полубоярова Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой переводоведения и практики перевода английского языка
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры английского языка (второго)
Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taunzend Ksenia Igorevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language), Moscow State Linguistic University

Poluboyarova Marina Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
Moscow State Linguistic University
Associate Professor of the Department of English (Second Foreign Language)
the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	09.02.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	11.03.2024	
	09.04.2024	